

ПРОСТРАНСТВО

ПРОБУЖДЕНИЕ ЛЕВИАФАНА

ВОЙНА КАЛИБАНА

ВРАТА АБАДДОНА

ПОЖАР СИБОЛЫ

ИГРЫ НЕМЕЗИДЫ

ПЕПЕЛ ВАВИЛОНА

ВОССТАНИЕ ПЕРСЕПОЛИСА

ГНЕВ ТИАМАТ

ПАДЕНИЕ ЛЕВИАФАНА

—ПРОСТРАНСТВО—

**ДЖЕЙМС С. А.
КОРИ**

**ПАДЕНИЕ
ЛЕВИАФАНА**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 66

James S. A. Corey
LEVIATHAN FALLS
Copyright © 2021 by Daniel Abraham and Ty Franck
Published in agreement with the author,
c/o BAROR INTERNATIONAL, INC., Armonk, New York, U.S.A.
All rights reserved

Перевод с английского Галины Соловьевой
Серийное оформление Виктории Манацковой
Оформление обложки Татьяны Павловой

Кори Дж. С. А.

К 66 Пространство. Падение Левиафана : роман / Джеймс С. А. Кори ; пер. с англ. Г. Соловьевой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 512 с. — (Звезды новой фантастики). ISBN 978-5-389-28641-2

Лишившись своего лидера, Лаконская империя рухнула, и тысяча триста звездных систем получили свободу. Но диктатор Уинстон Дуарте не мертв, как не мертв и древний враг, с которым он попытался вступить в борьбу. Тот, кто уничтожил когда-то цивилизацию строителей враг, теперь обрушивает удар за ударом на освоенный людьми космос.

Выяснить, что собой представляли создатели протомолекулы и что за сверхъестественная сила расправилась с ними, поручено группе ученых во главе с Элви Окойе. Им предоставлены практически неисчерпаемые ресурсы империи, и они не обязаны соблюдать нормы научной этики. Но цена победы иногда оказывается выше цены поражения...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-28641-2

© Г. В. Соловьева, перевод, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Пролог

Жил на свете человек по имени Уинстон Дуарте. А потом сгинул.

Его последний миг был ничем не примечателен. Дуарте сидел на диване в личном кабинете в самом сердце здания Государственного совета. На экране, встроенном в стол из зернистой, как песчаник, лаконской дождевой древесины, ждали его внимания тысячи докладов. Часовой механизм империи медленно, со скрежетом вращался, с каждым оборотом колеса стирая зазубрины и двигаясь глаже и точнее. Дуарте не в первый раз просматривал доклад службы безопасности с Оберона, где губернатор в ответ на насильственные действия сепаратистов начал вербовку местных в службу охраны порядка. Дочь Дуарте Тереза опять отправилась на поиски запретных приключений за границей территории. Такие одиночные пешие вылазки, когда девочка воображала, будто сумела скрыться от бдительного взора охраны, были необходимы для ее развития, так что он смотрел на них не просто снисходительно, но и с гордостью.

Он совсем недавно рассказал дочери, чего ждет от нее: что она станет второй пациенткой Паоло Кортасара; подобно отцу расширит и углубит сознание, продлит свою жизнь если не навечно, то на неопределенно долгий срок. Лет через сто они все еще будут возглавлять империю человечества. И через тысячу. И через десять тысяч.

Если...

Вот что так ужасно давило на него. Это всепоглощающее «если». Если он сумеет расшевелить погрязшее в самоуспокоенности человечество. Если сумеет убедить этот бесчисленный и разнородный сброд предпринять действия, необходимые, чтобы избежать судьбы предшественников. Человечество либо сумеет понять и остановить скрывающуюся по третью сторону врат тьму, либо будет ею убито.

Эксперимент в системе Текома ничем не выделялся среди других переломных шагов человеческой истории, начиная с того, когда первое млекопитающее привстало на задние лапы, чтобы увидеть скрытые травой горизонты. И этот, если получится, тоже все изменит. Каждый шаг меняет все, что было до него. В жизни это самое обычное дело.

В те последние мгновенья он потянулся было за чаем, но одно из непривычных новых чувств, полученных от доктора Кортасара, подсказало ему, что чайник остыл. Восприятие молекулярных вибраций напоминало телесное восприятие тепла — измеряло то же свойство материала, — но чувства обычного человека были детской свистулькой в сравнении с великой симфонией новых ощущений Дуарте.

Настал последний миг.

В одно мгновение — между решением послать слугу за новым чайником и движением руки к клавише вызова — разум Уинстона Дуарте разлетелся пучком соломы под ураганным ветром.

Было больно — очень больно — и страшно. Но некому стало ощущать боль и страх, поэтому чувства быстро погасли. Не осталось ни сознания, ни связей, некому стало думать вздымающиеся и гаснущие мысли. Нечто более тонкое — более изящное, более сложное — погибло бы. Цепь биографических воспоминаний, мыслившую себя Уинстоном Дуарте, разнесло на куски, но его тело осталось. Слабые токи энергии в теле взвихрила, порвав все связи, невидимая турбулентность. И некому было заметить, как они стали замедляться и замирать.

Тридцать триллионов клеток еще вбирали кислород из сложного состава его крови. Те структуры, что были его ней-

ронами, устанавливали связи с другими такими же — как пьянчужки-собутельники поднимают стаканы ко рту в унисон, не сознавая того. Возникло нечто, чего не было раньше. Процесс, заполнивший оставшуюся от прежнего пустоту. Не танцор, а танец. Не вода, а водоворот. Не личность, не разум. Нечто.

Вернувшись, сознание проявило себя прежде всего в цветах. Синева, но без названия для синего цвета. Красное. Затем белое — тоже что-то означавшее. Обрывок идеи. Снег.

Пришла радость и продлилась дольше, чем прежде страх. Глубокое, бурливое удивление уносило само себя, потому что больше уносить было нечего. Вздыхались и ниспадали процессы — складывались и распадались порядки. Те, что распались медленнее других, вступали в отношения друг с другом, и это иногда позволяло им продержаться подольше.

Подобно младенцу, постепенно сводящему прикосновение, вид, кинестетические ощущения в нечто, еще не названное «ногой», обрывки восприятий соприкасались со Вселенной и складывались в некое понимание. Нечто, загоня химические вещества в зияющие меж клетками пустоты, ощущало свою неуклюжую, животную телесность. Оно чувствовало связующие миры, грубые открытые вибрации вокруг врат и думало о воспалении, о язвах. Оно ощущало нечто. Оно думало нечто. Оно вспоминало, как вспоминать, и тут же забывало.

Имелась причина, цель. Нечто оправдывало жестокость ради предотвращения больших жестокостей. Он предал свой народ. Он изменил миллиардам. Он приговорил верных ему людей к смерти. На то была причина. Он помнил. Он забыл. Он заново открыл величественное сияние желтизны и весь отдался этому чистому ощущению.

Голоса доносились до него симфонией. Слышались ему криканьем. Он с удивлением открыл, что волнуется и что волнуется он. Ему полагалось бы что-то делать. Спасать человечество. Какое-то до смешного великое дело.

Он забыл.

«Вернись, папа! Вернись ко мне».

Он, как в пору ее младенчества, когда спал с ней рядом, привычно переключился на нее. Дочь захныкала, и он поднялся, чтобы не пришлось вставать жене. Она держала его за руки. Что-то говорила. Слов он припомнить не мог, поэтому обратился в прошлое, туда, где она их произносила. «Доктор Кортасар? Он хочет меня убить».

Что-то здесь неправильно. Он не знал, что не так. Там, в другом месте, тихо и громко бушевала буря. Тут была связь. Ему полагалось бы всех спасти от тех, кто в буре — кто и являлся этой бурей. Или от их собственной слишком человеческой природы. Но здесь была дочь, и это интереснее. Он видел напряжения в ее мозгу, в ее теле. Боль ее крови насытила воздух вокруг нее, и он захотел. Он захотел исправить все, что с ней не так. Но куда интереснее, что он впервые *захотел*.

Эти странные ощущения собственных чувств теребили его внимание, уводили его в сторону. Он, не выпуская ее руки, отвлекся. А когда вернулся, та, кто держал его за руку, была уже другой.

«Нам нужно только просканировать вас, сэр. Это не больно».

Он вспомнил доктора Кортасара. «Он меня убьет». Он развеял Кортасара, растолкал пустоты между частицами, придававшими ему материальность, заставив того рассыпаться в прах. Ну вот, это он исправил. Но усилие его утомило, от него заныло тело. Он позволил себе уплыть, но при этом отметил, что его меньше сносит течением. Разлетевшаяся вдребезги нервная система срасталась. Тело упрямо желало продолжаться, даже если не могло продолжиться. Он восхищался таким упорным отрицанием смерти как чем-то внешним по отношению к себе. Бессмысленный физический импульс к движению: каждая клетка решительно цепляется за бытие, и ее воля к продолжению себя не нуждается в усилиях воли. Все это что-то означало. Было важным. Чем — он не помнил. Что-то касательно его дочери. Он должен о ней позаботиться.

Он вспомнил. Вспомнил себя отцом, любящим свое дитя, и через это воспоминание вспомнил себя человеком. Эта связь была крепче честолюбия строителя империи. Он вспомнил, что превратил себя в нечто отличное от человека. В нечто большее. И понял, как эта чуждая сила в то же время и ослабила его. И что животное, неумолимое притяжение тела удержало его от небытия. Меч, сразивший миллиарды ангелов, для приматов в металлических пузырьках воздуха оказался лишь неудобством. А человек по имени Уинстон Дуарте, захваченный на полпути между обезьяной и ангелом, сломался, но не погиб. Обломки отыскивали собственный путь.

И еще что-то было. Человек с сухими руслами в сознании. И еще один человек, тоже измененный. Джеймс Холден — он был врагом и врагом его врага — в прошлом, до того как Уинстон Дуарте, сломавшись, стал быть.

Он с бесконечным напряжением и осторожностью стянул невыносимую огромность и сложность своего сознания вовнутрь, втиснул в то, чем стал. Синева поблекла до знакомого человеку цвета. Поблекло ощущение угрозы от бури, свирепствовавшей рядом на той стороне. Он ощутил теплый, с железистой примесью запах плоти от своей пустой руки. Он открыл глаза, нажал клавишу коммутатора и включил связь.

— Келли, — сказал он, — вы не принесете мне новый чайник?

Пауза затянулась меньше, чем можно было ожидать при таких обстоятельствах.

— Да, сэр, — сказал Келли.

— Спасибо.

Дуарте выключил связь.

В его кабинете установили больничную кровать с аэрацией антипролежневого пеноматраса, но сидел он за своим столом, словно и не покидал этого места. Он провел инвентаризацию своего тела, отметил слабые места. Мускулы истончились. Он встал, заложил руки за спину и подошел к окну посмотреть, что увидит. Он видел.

За окном моросил светлый дождь. На дорожках стояли лужицы, блестела отмытая трава. Он потянулся к Терезе и нашел ее. Она была не близко, но и не в беде. Как будто он опять следил за ее прогулками по дикой местности, только на этот раз без помощи объективов. Его любовь и снисходительность к ней были огромными. Как океан. Но не торопили. Лучшим проявлением любви к ней станет его труд, и он взялся за работу.

Дуарте вывел общую сводку — так он начинал каждый день. Обычно сводка занимала страницу. Эта составила целый том. Он разобрал ее по категориям, выделил ветку, относящуюся к трафику через пространство колец.

Дела без него шли, мягко говоря, не лучшим образом. Научный доклад по гибели станций «Медина» и «Тайфун». Военная аналитика по осаде Лаконии, по потере строительных платформ. Резюме разведки по нарастанию сопротивления в разрозненных системах и сведения о попытках адмирала Трехо без него сбросить его мечту об империи.

Однажды, вскоре после кончины своей матери, Тереза решила приготовить ему завтрак. Она была совсем маленькой, ничего не умела, и вышло у нее плохо. Он запомнил пережаренный кусок хлеба с горкой джема и пристроенным сверху кусочком масла. В том сочетании самоуверенности, любви и жалости была своя красота. Воспоминание потому и уцелело, что любовь так точно сложилась с чувством неловкости. То же было и здесь.

Теперь он отчетливо сознавал пространство колец. Он слышал его отзвуки в ткани реальности, как, прижавшись ухом к корабельной обшивке, слышишь работу двигателя. Ярость врага была теперь для него явной, как если бы он слышал ее голос. Визг, раздирающий нечто непохожее на воздух в чем-то, что нельзя назвать временем.

— Адмирал Трехо, — позвал он, и Антон вздрогнул.

Шла пятая неделя пресс-тура, который Трехо сочетал с реконструкцией Солнечной системы. Он, досуха выжатый долгим днем рукопожимания и речеговорения с местными чинов-

никами и вождями, засел у себя в каюте. Он был лицом держащейся на соплях империи, заслонял собой, не давал никому увидеть, как близок ее конец. После недели на жесточком ускорении от Лаконии эта работа давалась ему тяжело. Больше всего на свете он мечтал основательно выпить и на восемь часов залечь в постель. А лучше на двадцать. Вместо этого он вел видеосовещание с генеральным секретарем Дачетом и его марсианским коллегой — оба находились сейчас на Луне, достаточно близко, чтобы световой лаг не мешал разговору. Политики лгали улыбками. Трехо улыбкой угрожал.

— Разумеется, нам понятна необходимость возведения орбитальных верфей и их скорейшего ввода в строй, — говорил Дачет. — Но, учитывая правовой вакуум после недавней атаки на Лаконию, нас в первую очередь волнует безопасность предприятий. Нам нужны гарантии, что ваши корабли сумеют защитить столь ценное имущество. Нам совершенно не хочется изображать из себя мишени для подполья.

«Вам только что надавали пинков, подорвали ваши верфи, угробили два самых мощных корабля, и империя ваша едва жива. Хватит у вас кораблей, чтобы заставить нас подчиниться и работать на вас?»

— Да, мы понесли потери. — Трехо растягивал слова, как всегда в гневе. — Однако причин для озабоченности нет. наших истребителей класса «Пульсар» более чем достаточно для обеспечения безопасности системы Сол.

«Две дюжины таких кораблей позволили мне вернуть вас под свою руку, а если не будете слушаться, у меня их еще до хрена».

— Превосходно сказано, — подключился марсианский премьер-министр. — Прошу вас сообщить верховному консулу, что мы не пожалеем усилий для соблюдения графика производства.

«Пожалуйста, не надо ковровых бомбардировок наших городов!»

— Я передам ему, — ответил Трехо. — Верховный консул дорожит вашей верностью и поддержкой.

«Дуарте — слюнявый маразматик, но, пока вы даете корабли, позволяющие не развалить империю на куски, я, так и быть, не стану превращать ваши планетки в стекло, и может статься, все останутся в выигрыше».

Трехо отключил связь и откинулся в кресле. Он уже слышал тихий зов припасенной в каюте бутылки виски. Застеленная свежим бельем постель звала куда громче. Времени не было — ни на первое, ни на второе. Подполье все еще баламутило тринадцать сотен систем. И это только его человеческие проблемы. Вдобавок к ним предстояло разобраться с вратами и теми, кто засел в них, — теми, кто разом отключал сознание целых систем, будто принимавался, искал способ прикончить все человечество.

Нет покоя злодеям. Нет отдыха и добрым людям.

— Связь с представителем Ассоциации миров в системе Сол — имени не помню, — приказал он. Слышал его только корабль.

«Соединение устанавливается», — загорелось на экране. Опять лживые улыбки. И скрытые угрозы. Опять — он использовал это слово как эвфемизм — дипломатия.

— Антон, — услышал он тихий дружеский оклик.

Трехо развернулся вместе с креслом — лицом к комнате. Уинстон Дуарте стоял в ногах его кровати. Руки он заложил за спину, одет был в свободную домашнюю рубашку и черные брюки. Босой. Волосы всклокочены, как спросонья. И, если верить глазам, он был здесь собственной персоной.

— Тревога, — произнес Трехо. — Полный досмотр этого помещения.

Дуарте обиженно поморщился:

— Антон!

Корабль в миллисекунды прочесал каждый дюйм каюты в поисках чего-либо или кого-либо неположенного. Экран доложил, что в помещении не обнаружено подслушивающих устройств, опасных веществ, неавторизованной техники. И только он сам из присутствующих. Корабль запросил разрешение на вызов вооруженной охраны.

— У меня удар? — обратился Трехо к привидению.

— Нет, — ответил Дуарте, — хотя выспаться тебе бы не помешало. — Призрак пожал плечами — движение было почти виноватым. — Послушай, Антон, ты сделал для сохранения империи все возможное, никто не вправе требовать от тебя большего. Я знаю, как трудно тебе пришлось.

— Вас здесь нет, — сказал Трехо, выставляя против лже-свидетельства всех органов чувств единственно возможную реальность.

— Для меня понятие «здесь» стало на удивление растяжимым, — согласился Дуарте. — Я чрезвычайно ценю твои усилия, но теперь ты можешь сдать пост.

— Нет. Это еще не конец. Я продолжаю борьбу за империю.

— И я это ценю. Действительно ценю. Но мы выбрали не тот путь. Мне еще нужно время спокойно все обдумать, но теперь я вижу яснее, и все будет хорошо.

Трехо, как волной, накрыло желанием услышать эти слова — и поверить им. Первый поцелуй любви потряс его меньше.

Дуарте улыбнулся с грустным юмором:

— Мы с тобой выстроили империю галактических масштабов. Кто бы мог подумать, что мы мелко мыслим?

Образ, иллюзия, проекция — чем бы он ни был, он пропал внезапно, словно из киноплёнки вырезали кадр.

— Чтоб меня! — сказал в пустоту Трехо. На настольном экране еще мигал сигнал тревоги. Он хлопнул ладонью по коммутатору.

— Сэр, — произнес дежурный офицер, — нам поступил сигнал активной тревоги из вашего помещения. Вам требуется?..

— У вас пять минут на подготовку максимального ускорения в сторону кольца.

— Сэр?

— Включайте предупреждение, — сказал Трехо. — Всем в койки. Возвращаемся на Лаконию. Немедленно.

Глава 1

ДЖИМ

— Нас прозванивают, — доложил Алекс. В его голосе проявилась легкая распеваемость, всегда означавшая, что пилот не ждет от жизни ничего хорошего.

Джим, сидевший в рубке перед тактической схемой системы Кроноса, отметил, что сердце забилося вдвое чаще, но все же попробовал возразить:

— Ну, стук в дверь еще не значит, что он знает, кто сидит в домике. Продолжаем играть, как играли.

«Росинант» изображал из себя легкий грузовик, какими кишела система Кроноса. Наоми настроила эпштейновский двигатель на выброс искажающих следовую подпись загрязнений и повышенную отдачу тепла. На подпольной верфи в системе Гарриса им на обшивку наварили изменившие силуэт судна пластины. Просачивающийся на поверхность жидкий водород менял и термический профиль корабля. Когда Наоми представляла свой план камуфляжа, все сочли его вполне приемлемым. Но при первой же угрозе Джим почувствовал себя голым.

Вражеский фрегат носил имя «Черный змей». Он уступал размерами истребителям класса «Буря», но был хорошо вооружен и, как все военные корабли Лаконии, имел самозаживляющуюся наружную обшивку, что делало его почти бессмертным. Он входил в группу охотников, отслеживающих по всем необитаемым системам дочь верховного консула Те-

резу Дуарте — признанную наследницу империи и в данный момент механика-практиканта на «Росинанте».

Можно подумать, с ними такое в первый раз!

— Что-то еще? — спросил Джим.

— Только прозвон лидаром, — сказал Алекс. — Не прогреть ли на всякий случай картечницу?

У Джима вертелось на языке: «Да, давай прогреем», но за него ответила Наоми:

— Нет. По некоторым признакам их новые сенсорные системы распознают состояние рельсовых пушек.

— Так нечестно, — пожаловался Джим. — Никого не должно касаться, что проделывает команда со своими личными пушками на своем личном корабле.

В голосе Наоми он услышал улыбку.

— В принципе согласна, но давайте не будем включать пушки, пока они нам не понадобятся.

— Принято, — сказал Алекс.

— Все еще ограничиваются прозвоном? — спросил Джим, хоть и видел то же самое, что Алекс. Да Алекс и сам бы сказал.

— Связь молчит.

Кронос был не то чтобы мертвой системой, но близкой к тому. Его большая звезда быстро выгорала. Когда-то в его зоне Златовласки была пригодная для жизни планета — достаточно обитаемая, чтобы дать протомолекуле биомассу на строительство врат. Но от возникновения врат до появления в руинах чужой цивилизации человечества прошли несчетные эпохи, и зона Златовласки успела сместиться. Живая планета еще не скрылась в короне расширяющейся звезды, но ее океаны выкипели подчистую, и атмосферы не осталось. Местная жизнь сохранилась только на влажном спутнике газового гиганта на окраине системы и представляла собой, в сущности, жестоко конкурирующую пленку скользкой плесени величиной с материк.

Из людей в системе Кроноса обитали тысяч десять рудокопов на ста тридцати двух участках. Корпорации, спонсируемые правительствами акционерные общества, независимые старатели на прыгунах и полулегальные гибриды трех

первых обдирали палладий с довольно богатой россыпи астероидов и пересылали его тем, кто еще производил кондиционеры или занимался терраформированием. То есть всем и каждому.

В прежние времена Кронос был дальней окраиной Союза перевозчиков, потом жопой Лаконской империи, а теперь никто не сумел бы сказать, что он собой представляет. По всей сети врат насчитывались сотни таких систем: несамоокупающихся и не мечтающих окупиться, занятых углублением собственной экономической ниши и не вступающих ни в какие коалиции. В таких местах подполью удобно было скрывать и ремонтировать корабли, а также строить планы на будущее. На тактической схеме метки с орбитами, статусами, составом и юридической принадлежностью астероидов облепили свирепую звезду облачком пылицы в весенний день. Вокруг участков, где велась добыча или разведка, теснились десятки кораблей. Еще столько же поодиночке перелетали от форпоста к форпосту или таскали воду для реактивной массы и радиационной защиты.

«Черный змей» вошел в кольцо три дня назад, торпедировал радиотранслятор подполья на наружной стороне врат и теперь неспешно разгуливал по системе на манер бездельника в модном ночном клубе. Врата обычно не вращались по орбите звезды, а держались на месте, словно забросив якорь в вакуум. Это было не самой большой из их странностей. Джим позволил себе надеяться, что «Змей» ограничится расстрелом пиратского передатчика подпольщиков. Что, побесчинствовав немного здесь, враг свалит резать условные телеграфные провода в следующей системе.

А он остался и прочесывал систему. Искал их. Терезу. Наоми — действующего лидера подполья. И его.

Когда дисплей коммутатора высветил зеленый значок входящей передачи, у Джима скрутило нутро. На этом расстоянии до боя оставался не один час, но всплеск адреналина случился такой, будто кто-то уже выстрелил. Близкий, всепоглощающий страх заслони от него все необычное.

— Передают, — сказал Алекс по корабельной связи, и через палубу над головой Джим тоже услышал его голос. — Удивительно... Не по направленному лучу... Похоже, это не нам.

Джим открыл канал связи. Женский голос сухо рубил фразы — для лаконического офицерства эта манера была вроде акцента.

— ...Агрессивные действия с соответствующими последствиями. Повторяю сообщение. «Черный змей» зарегистрированному грузовозу «Скоропортящийся продукт». Согласно приказу сил безопасности Лаконии, вам надлежит выключить двигатель и приготовиться к приему на борт инспекции. Неповиновение будет рассматриваться как агрессивные действия с соответствующими последствиями. Повторяю сообщение...

Джим включил фильтр тактической схемы. «Скоропортящийся продукт» находился от «Роси» в тридцати градусах в направлении вращения и разогнался в сторону большого жаркого солнца. Если они и слышали сообщение, пока ничего не предпринимали.

— Они из наших? — спросил Джим.

— Нет, — отозвалась Наоми. — Числятся имуществом некоего Дэвида Калрасси с Бара Гаона. Не знаю такого.

Учитывая световой лаг, «Продукт» должен был принять сообщение на десять минут раньше «Росинанта». Джиму представилось, как паникует тамошняя команда. Он сам с ужасом ждал такого сообщения. Как бы то ни было, пока что «Росинант» не в перекрестье прицела. Жаль, что Джим не мог до конца прочувствовать облегчение.

Отстегнувшись, он перевернулся в амортизаторе. Зашипели шарниры ложементов.

— Я на минутку в камбуз, — сказал он.

— Прихвати и мне кофе, — попросил Алекс.

— Э, нет, никакого кофе. Мне бы ромашкового чая или теплого молока. Чего-нибудь мягкого, успокаивающего.

— Хорошо звучит, — согласился Алекс. — Когда пере-
думаешь и будешь варить кофе, прихвати и мне.

В лифте Джим прислонился к стенке, переживая сердцебиение. Вот так и случаются сердечные приступы, да? Пульс как начнет частить, так и не унимается, пока не лопнет что-то важное. Может, он и ошибался, но чувствовал себя именно так. Все время так себя чувствовал.

Он поправлялся. Ему легчало. Автодок отрастил ему потерянные зубы. Унизительно, когда приходится, как младенцу, делать укольчик от зуда в деснах, но в остальном все прошло благополучно. Кошмары уже были для него старыми знакомыми. Начались они в плену на Лаконии. Джим ждал, что на свободе они прекратятся, а стало еще хуже. В последнем сне его хоронили заживо. Чаще снилось другое: кого-то из любимых людей убивали в соседней комнате, а он не успевал набрать код замка, чтобы их спасти. Или поселившийся у него под кожей паразит искал выход наружу. Или лаконские тюремщики снова приходили его избивать и ломали зубы. Как тогда.

Зато, похоже, были сняты с показа старые ужасы, в которых он забывал одеться или неподготовленным сдавал экзамен. Не так уж худо ему жилось во сне.

Бывали дни, когда он не мог избавиться от тревожного чувства. Где-то в мозгу засела беспричинная, иррациональная уверенность, что мучители с Лаконии непременно его отыщут. Более оправданным был страх перед теми, кто скрывался за воротами. Перед апокалипсисом, уничтожившим строителей врат и теперь нацелившимся на человечество.

Если взглянуть в таком свете, возможно, все с ним было в порядке. Наверное, при таком положении дел ощущения, которые он до лаконского плена считал бы безумием, были здоровыми и нормальными. И все-таки жаль, что он не всегда отличал вибрацию неровной работы двигателя от собственной дрожи.

Лифт остановился, Джим покинул кабину и свернул к камбузу. Тихий ритмичный стук собачьего хвоста по палубе подсказал ему, что Тереза с Ондатрой пришли раньше него. И Амос — черноглазый, серокожий, восставший из мертвых — тоже был там, сидел за столом и, как всегда,

по-хозяйски радушно улыбался. Джим не видел, как лаконская охрана прострелила ему затылок, но знал, что за дроны заново собрали обрывки человеческой плоти. Наоми все еще не могла решить для себя, считать ли его тем Амосом, что много лет летал с ними механиком, или механизмом чужаков, вообразившим себя Амосом потому, что создан из его тела и мозга. Джим решил, что Амос, даже если изменился внешне и нахватался обрывков знаний о древних чужаках, есть Амос. Обдумать этот вопрос глубже у него не хватало сил.

К тому же его любила собака. Такую проверку не назовешь решающей, но наименее неточной назвать можно.

Сидевшая у ног Терезы Ондатра с надеждой уставилась на Джима и снова забила хвостом.

— Нет у меня сосиски, — заглянув в выразительные карие глаза, сказал Джим. — Обойдешься, как все, концентратами.

— Вы ее избаловали, — заявила Тереза. — Теперь она вам это припомнит.

— Если я попаду в рай, — ответил ей Джим, — пусть это будет за то, что баловал собак и детей.

Он машинально набрал код груши с кофе. Спыхватился — и запросил вторую, для Алекса.

Тереза Дуарте, пожав плечами, вернулась к тубе с грибами и пряностями на полезной для пищеварения волокнистой массе — так она завтракала. Волосы она стягивала в темный конский хвост, неизменно опущенные уголки губ отражали то ли характер, то ли особенности организма. Она росла на глазах у Джима в здании Лаконского государственного совета и выросла из самонадеянного ребенка в бунтующего подростка. Сейчас ей исполнилось пятнадцать, и он успокаивал себя, припоминая пятнадцатилетнего Джима: тощего темноволосого мальчишку из Монтаны, не знающего толком, чем занять себя в жизни, и придерживающего как запасной вариант вербовку в военный флот. Тереза казалась старше, чем Джим в ее возрасте, больше знала о мире и меньше его одобряла. Пожалуй, они друг друга стоили.

Когда Джим был пленником ее отца, Тереза его боялась. Теперь, когда она оказалась на его корабле, страх куда-то испарился. Тогда он был ей врагом, но и теперь Джим сомневался, считает ли она его другом. Где ему разобраться в эмоциональных сложностях социализировавшегося в изоляции подростка. Раздатчик доделал кофе для него и Алекса, и Джим, забрав груши, порадовался греющему ладони теплу. Дрожь почти прошла, а горечь кофе успокаивала лучше чая.

— Скоро надо будет дозаправиться, — заговорил Амос.

— Правда?

— С водой у нас порядок, а топливных пеллет не помещает добавить. И восстановители воздуха уже не те.

— Плохо дело?

— Несколько недель еще продержимся, — сказал Амос.

Джим кивнул. Он уже собрался отмахнуться, отложить проблему на завтра. Только это было бы ошибкой. «На хрен все, что не прямо сейчас» — это кризисное мышление, которое, если от него не избавиться, приводит к новым кризисам.

— Поговорю с Наоми, — обещал он. — Что-нибудь сообразим.

«Если нас не разыщут лаконцы. Если не убьют те, из-за врат. Если нас прежде не прикончит одна из тысячи катастроф, которых я и в мыслях не держал».

Он глотнул еще кофе.

— Ты как, капитан? — спросил Амос. — Что-то ты малость дерганый.

— Отлично, — заверил Джим. — Прикрываю практически не прекращающуюся панику легким юморком — как все.

Амос после мгновения жуткой неподвижности — одной из примет его новой личности — улыбнулся шире прежнего.

— Тогда все в порядке.

Через корабельную связь подал голос Алекс:

— У нас новости.

— Хорошие?

— Какие-то, — уточнил Алекс. — «Скоропортящийся продукт» выбросил в космос некую жидкость и гонит как черт к той большой торговой станции во внешнем поясе.

ДЖЕЙМС С. А. КОРИ
ПРОСТРАНСТВО
ПАДЕНИЕ ЛЕВИАФАНА

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Полина Дроздовская, Ольга Попова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.04.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 31,36. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-KNF-37752-01-R